

Сказка Ли Юнаса " Йу с морских островов "

Нелегко было нашим пращурам ходить по морю в зимнее время, лодки в Нурланне [1] строили никудышные, вот и шли рыбаки . к лопарям на поклон, чтобы купить мешок попутного ветра. В те годы рыбак не доживал до старости, и на погосте хоронить было некого, кроме баб, да ребятишек, да калек убогих.

Однажды вышла на промысел рыбацкая артель из Хьётте [2], что в Хельгеланне [3], и уплыли они до самых Лофотенских островов. Но в ту зиму вся рыба точно куда-то сгинула.

Рыбаки не хотели возвращаться с пустыми руками, прождали неделю, потом другую, а там и месяц прошёл: видят они, делать нечего, надо назад поворачивать.

А Йу с Морских островов на это посмеялся: что ж, мол, так! Если здесь рыбы не нашли, значит, надо севернее искать. Не для того ведь в море вышли, чтобы припасы проесть.

Йу был парень молодой, в первый раз на промысле, но старшой решил, что он дело говорит, и велел ставить парус.

Повернули они опять на север, пошли дальше.

Но на следующем месте им снова не повезло. Наловили только себе на пропитание.

Тут уже все в один голос сказали, что пора назад поворачивать.

А Йу опять за своё: коли тут ничего нет, значит, рыба на север ушла, там и . надо её искать. А то плыли-плыли — и вдруг на попятный!

Так они и пытали счастья: постоят в одном месте — перейдут на другое, и занесло их невесть куда, на окраину Финнмарка. А тут налетела непогода; моряки хотели переждать в бухте, пока она кончится, потом видят — не переждёшь, надо выходить в открытое море.

Тут горе-лодка их и подвела, никак её было носом к волне не удержать, развернулась боком, раз-другой черпнула воды и уже полна до краёв.

И вот очутилась вся артель посреди открытого моря на перевёрнутой лодке, и помощи ждать неоткуда.

Горькие попреки посыпались на Йу со всех сторон за то, что по его совету все на верную гибель пошли.

А уж как стемнело, стали рыбаки коченеть, хватка в руках ослабла, и вот одного за другим всех смыло волнами в воду.

До самого конца, пока не смыло последнего, слушал Йу жалобные крики, что он всех погубил, рыбацких жён и детишек без кормильцев оставил.

Но Йу решил все-таки держаться сколько сможет, — все равно никому пользы не будет, если он тоже отпустит лодку и потонет в морской пучине.

Поэтому он покрепче оседлал перевёрнутый киль и, не чуя ни рук, ни ног, держался за него мёртвой хваткой. иногда среди ночного мрака буря доносила к нему голоса товарищей с других лодок.

«И у тех остались дома жены и ребятишки, — думал парень. — Знать, у них тоже нашёлся какой-нибудь Йу, которого они теперь кланут».

Между тем лодку подхватило и понесло морское течение, а на рассвете парень чуть, не свалился от сильного толчка — это волны прилива выбросили лодку на берег, и она застряла в песке.

И вот, ещё не веря в своё спасение, Йу слез и ощутил под ногами твёрдую землю.

Но там, где его прибило, куда ни глянь, раскинулось только свинцовое море да белые снега.

Долго искал Йу глазами, поворачиваясь на все стороны, и вдруг увидел дымок под горою, который поднимался над землянкой лопаря; кое-как он до неё дотоптался.

Хозяин землянки был дряхлый старик; закутанный в шубу, он неподвижно сидел, на куче тёплой золы и что-то там бормотал себе под нос, на слова не откликался и по-людски не разговаривал. У входа в землянку роились большие золотистые шмели, они перелетали через порог и вились над снегом, как будто стояло жаркое лето; в землянке со стариком никого не было, кроме молоденькой девушки. Внуки его пасли оленей и кочевали со стадами по тундре, а девушку оставили дома присматривать за дедом, она топила очаг и стряпала еду, чтобы старик не замёрз и не помер с голоду.

Парня впустили в дом, дали обсушиться и уложили отдыхать. Саймка хлопотала вокруг него и не знала, как бы-получше угодить гостю; она напоила его оленьим молоком, положила ему в миску вкусную мозговую кость, а спать уложила на меховую подстилку из черно-бурых лисиц.

Тепло и уютно показалось парню в курной землянке.

Однако же, подрёмывая на мягком ложе, он сквозь сон увидел такие чудеса, что глазам своим не верил и не знал, спит ли он или ему это наяву блазнится.

Вот лопарь стал на пороге и пересчитал своих оленей, хотя стадо паслось далеко в тундре. Старик отводил волков и заговаривал медведя. Потом развязал кожаный мешок, а оттуда как завоет да как засвистит! Зола взметнулась вверх и тучей закружилась по землянке. А когда все стихло, налетели шмели, опустились на старикову шубу и заползли в мех, а лопарь бормотал и напевал себе под нос колдовские камлания, покачивая дряхлой головой.

Однако Йу не стал задумываться над лопарскими чудесами — другое было у него на уме.

Едва продрав глаза после сна, он сразу же отправился проведать свою лодку.

Она лежала на песке кверху днищем — будто и не лодка, а так себе посудина, вроде бабьего корыта, — и волны лизали её бока.

Йу вытянул лодку из прибоя на сушу, чтобы при отливе её не снесло в море.

Но он ещё долго не уходил, пока не рассмотрел её хорошенько со всех сторон, чтобы разобраться, как она сделана. Йу понял, что ничего хуже нельзя было смастерить даже нарочно. Можно было подумать, что её построили не затем, чтобы плавать, а только чтобы воду черпать. Нос был что у свиной лоханки, такой только и годится, чтобы колом ухнуть в воду, и днище было того не лучше — плоское, как гробовая доска.

Все тут никуда не годилось, все надо было делать иначе, чтобы лодка стала пригодной для мореходства.

Нос надо было поднять на одну или на две планки выше и сделать его острее, чтобы разрезал волны, а по бокам округлить, чтобы вода его легко обтекала, тогда лодка станет послушнее и не развернётся бортом к волне.

Вот о чем Йу думал непрестанно и днём, и ночью. И только вечером он ненадолго отвлекался от своих мыслей, беседуя с молодой лопаркой.

Скоро Йу заметил, что Саймка в него влюбилась. Она всюду ходила за ним по пятам и провожала печальным взглядом, когда он отправлялся на берег моря, — знать, поняла, что у него одна мысль на уме — как бы поскорее воротиться домой.

Старый лопарь все сидел в куче золы, и вокруг его шубы клубился пар и ходили тучи дыма.

А кареглазая Саймка исподтишка так и ела глазами гостя и заманивала его умильными взглядами и ласковыми словами, которые без умолку сыпались у неё с языка, стоило старику только отвернуться; наконец она увела парня в тёмный угол, чтобы старик не услышал, о чем они будут говорить.

Колдун хоть не оборачивался, но, когда хотел, он и затылком видел, что за спиной у него творится что-то неладное.

— Что-то я плохо стал видеть, глаза слезятся от дыма, — молвил дед. — Скажи-ка, Йу, что ты держишь в руках?

— Отвечай, что ты поймал в силки снежную куропатку! — подсказала шёпотом Саймка.

Девушка прильнула к его груди, и Йу почувствовал, что она вся дрожит.

И вот Саймка стала рассказывать так тихо, что Йу сам не знал, слышит ли он её голос или без слов читает потаённые мысли; а она говорила, что старик — злой колдун, его бормотание и пение — это злые заклинания против лодки, которую задумал построить Йу. Потому что, когда Йу сделает лодку, никто во всем Нурланне не захочет больше покупать у колдуна поветерь.

И ещё она сказала парню, чтобы он никогда не становился между колдуном и волшебными мухами.

Тут Йу понял, что за лодку ему сполна достанется лиха хлебнуть. Но чем круче ему приходилось, тем больше он напрягал голову, чтобы все сообразить как следует.

Наутро, чуть свет, он пустился к морю, не дожидаясь, пока старик проснётся.

Но едва он вышел из землянки, в лощине стало твориться что-то странное. Холмов по обе стороны сделалось словно бы больше, чем было прежде, и сколько он ни шёл, а все не мог выйти на открытое место; он шёл и шёл, проваливаясь в глубоком снегу, а берег все не показывался. Никогда ещё Йу не видал, чтобы среди бела дня играли такие сполохи. Треск стоял, хоть уши затыкай, все небо было точно в огне, и длинные пламенные языки тянулись сверху, словно хотели достать путника.

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

Берег и лодка будто канули куда-то, Йу не узнавал окрестностей и не понимал, где он находится.

Наконец он догадался, что сбился с дороги и, вместо того чтобы идти к морю, кружил, должно быть, все время на одном месте.

Он повернул назад, но тут попал в такой густой туман, что не видно было ни зги.

Проплутав до вечера, Йу совсем выбился из сил и упал духом.

А уже ночь наступала, кругом сугробы, и снег все валит и валит.

Присел Йу на камне, чтобы хорошенько подумать, как ему быть — не пропадать же понапрасну. Вдруг, глядь, из тумана сами собой выехали лыжи, подкатились к ногам и остановились.

— Ну, коли вы ко мне дорогу нашли, так авось и обратно выведете, — сказал Йу.

Он надел лыжи, и они понесли его по горам да по долам, а он знай себе катится, куда они хотят.

А кругом тьма-тьмущая, хоть глаз коли, ничего не видать, и чем скорее бежали лыжи, тем гуще валил снег и вьюга хлестала в лицо, а ветер так и толкал, норовя сбить с ног и вырвать из-под него лыжи.

Он мчался с горы на гору так быстро, что дух захватывало, обратно мимо тех мест, где проплутал целый день, и порой ему даже казалось, что он не едет, а летит по воздуху.

Неожиданно лыжи стали как вкопанные, и он увидел, что очутился перед входом в землянку.

У порога его встретила Саймка, должно быть, заранее навстречу вышла и поджидала.

— Как только я поняла, что старик против тебя колдует, чтобы ты не смог найти дорогу к лодке, я послала за тобой самоходные лыжи, — сказала Саймка. — За свою жизнь ты можешь не опасаться, раз уж он принял тебя в дом как гостя. Но до утра лучше не показывайся ему на глаза.

Саймка незаметно провела парня в землянку, а колдун в густом дыму ничего не увидел; потом она накормила гостя, напоила и уложила спать.

А среди ночи Йу проснулся от каких-то странных звуков; издалека до него донеслось слѣвно бы жужжание; прислушавшись, он разобрал слова: Лодка не выйдет у лопаря, Мухе пути не найти за моря, В дымном кольце проплутает зазря.

Старик лопарь на куче золы камлал; он пел и колотил по земле так, что все вокруг гудело.

А Саймка лежала ничком на коленях, обхватив голову руками, и молилась лопарскому богу, чтобы он отвёл колдовство.

Тут Йу догадался, в чем дело: старик ищет его, думая, что он затерялся в тумане; и смекнул парень, что дело идёт о его жизни и смерти.

Йу встал до света, оделся, а потом и вошёл, нарочно громко топая ногами и отряхиваясь от снега, как будто только что вернулся; он сказал, что был на охоте, хотел поднять медведя из берлоги. Вот только, мол, никогда ещё не случалось ему попадать в такую метель: он совсем заблудился и долго не мог отыскать дорогу.

В старикову шубу набилось нынче столько мух, что она гудела, как шмелиное гнездо. Старик посылал их в разные стороны, но сколько ни гнал, они все возвращались к нему и с гудением и жужжанием вились вокруг его головы.

Когда Йу появился на пороге, старик догадался, что мухи его не обманули, тогда он сменил гнев на милость, громко расхохотался и пробормотал себе под нос:

— Ничего, медведя мы свяжем да в яму засадим; лодки ему не видать — морок ему глаза застит, а волшебная палочка усыпит его до весны.

В этот же день старый лопарь вышел на порог и опять принялся за колдовство, поводя руками и чертя в воздухе непонятные знаки.

Тотчас же из шубы послушно вылетели две волшебные мухи, они полетели в разные стороны, куда какую послали, и. только на снегу остался после них след — две узкие протаявшие полоски. Одна муха полетела в Сальтен, чтобы принести горе и болезнь в чей-то дом, другая — в Будё [4], чтобы навести порчу на бедную девушку, которая должна была теперь умереть от чахотки.

Но Йу денно и ночью только и думал, как бы ему перехитрить старого колдуна.

Саймка то мольбами и лаской, то слезами, как только могла, старалась уговорить парня, чтобы он пожалел свою жизнь и не ходил бы на берег, где лежала его лодка.

Наконец и она поняла, что его ничем не переломишь, все равно уйдёт.

Тогда она, обливаясь горячими слезами, принялась целовать его руки, упрасывая, чтобы он хоть немного обождал — старик скоро отправится в йокмок, он как раз собирается в Швецию, чтобы проведать своих дружков.

В день отъезда колдун с горящей головешкой обошёл вокруг своего дома, чтобы оберечь хозяйство от беды до своего возвращения.

Вдруг снежные пастбища со стадами оленей, собаками и людьми придвинулись к самой землянке. Колдун тщательно пересчитал оленей и наказал внукам хорошенько следить за стадом, чтобы оно далеко не разбредалось, а не то без его пригляда могут напасть волки или медведи.

Потом старик выпил сонное питьё и закружился в пляске. Он кружился, пока не выбился из сил и не упал замертво. На полу осталась лежать одна шуба. Дух колдуна улетел из неё и отправился в йокмок.

Укрывшись за метелью и туманом, в йокмоке собрались под горой колдуны и шептались друг с дружкой обо всем, что есть скрытого и тайного на свете, и там совершали посвящение достойных учеников.

Тем временем волшебные мухи жужжащим роем кружили над оставленной шубой и никого не подпускали близко.

Среди ночи Йу внезапно встрепенулся, точно какая-то неведомая сила издалека нашла его — и ну тянуть и мытарить! В воздухе повеяло холодом, и среди воя вьюги послышался не то зов, не то угроза:

Плавай, как гага, как чайка, лети, Только яйцо тебе не снести, Ветра не кличь — весла выбьют из рук, Гостя лопарь не отпустит на юг.

Когда заклятие отзвучало, Йу увидел склонившегося над собой старого лопаря. Он видел совсем близко дряблое лиц с обвисшими щеками, изрезанное морщинами, как старая оленья кожа; Йу заглянул в дымную муть его зрачков, и голова у него закружилась.

Тут Йу ощутил пронизывающий холод в своём цепенеющем теле и понял, что лопарь хочет его заколдовать,

Тогда парень сам твёрдо уставился в глаза старику, чтобы превозмочь его чары, и они долго мерились силами; наконец старикашка так позеленел в лице, что, казалось, ещё немного — и дух вон.

Но остальные колдуны, собравшиеся в Йокмоке, ещё долго продолжали пускать в Йу стрелы своих чар, метя в его рассудок.

С тех пор Йу начал замечать за собой странную вещь: всякий раз, когда он начинал думать о новой лодке и мысленно исправлять, что ему не нравилось, так сразу вместо одной неполадки появлялась другая, все получалось не так, и голова начинала разламываться от боли.

Тут Йу затосковал не на шутку. Сколько он ни бился над лодкой, все было без толку. Он совсем приуныл и решил, что ему никогда не вырваться из северного плена и не вернуться домой.

Но вот как-то раз сидели они с Саймкой вдвоём на остром мысу, выдававшемся в море. Стояла тишина. Только комары жужжали в теплом воздухе да нет-нет в воде плескала рыба, а на волнах перед глазами покачивалась птица гага.

— Вот кабы построить лодку такую же лёгкую и вёрткую, как рыбка, чтобы она плыла по волнам, как морская птица, — тоскливо вздохнул парень. — Тогда бы я сел в неё и уехал!

— Хочешь, я перевезу тебя в Хьётте? — раздался вдруг чей-то голос на краю песчаного берега. Там стоял незнакомец в вязаной шапке с ушами, лица его нельзя было разглядеть.

А возле прибрежных камней, где только что плавала птица гага, покачивалась длинная и узкая лодка с высоким носом и приподнятой кормой, светлые блики прозрачной воды играли на её просмолённых боках, сделанных из гладких досок без единого сучка.

— Спасибо, коли не шутишь, — ответил Йу. Услышав его ответ, Саймка громко зарыдала и стала ломать руки.

Повиснув у него на шее, она голосила, и слова как горох сыпались из её уст. Она сулила подарить ему свои самоходные лыжи, для которых не страшны никакие препятствия, говорила, что украдёт у старика волшебную палочку — у кого она есть, тот найдёт все золотые монеты, зарытые под землёй, говорила, что научит его вязать рыболовные сети с волшебными узелками, чтобы ни один лосось из неё не ушёл, научит приманивать оленей с далёких пастбищ.

Она обещала, что сделает его таким богатым, как старый колдун, — только, мол, останься и не покидай меня.

Но Йу ничего не слышал и не видел, кроме лодки.

Тогда Саймка кинулась на колени, распустила свои чёрные косы и опутала ему ноги, чтобы ему трудней было вырваться.

— Коли я останусь играть с тобой и с олешками, то много парней пропадёт ни за грош, ободрав себе ногти о край перевёрнутой лодки, — ответил Йу девушке. — Давай-ка лучше обнимемся на прощание, а коли не хочешь, я и так уйду.

Тогда она бросилась к нему, прижалась как котёночек, заглядывала ему в глаза сквозь заплаканные ресницы и смеялась и рыдала точно безумная.

Видя, что все её уловки не помогают, она оттолкнула его и, повернувшись лицом к землянке, замахала высоко вскинутыми руками.

Тут Йу понял, что она хочет позвать на помощь старого колдуна, и бегом кинулся от неё к лодке, чтобы тот не помешал своим колдовством.

Лодка так удобно пристала к прибрежному камню, что Йу прямо перешагнул с него на скамью. Кормило само скользнуло ему в руку, а

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

впереди за мачтой незнакомый моряк был уже наготове и сразу поднял парус, Йу видел его, но лица так и не разглядел.

И вот лодка отчалила и поплыла.

Никогда в жизни Йу ещё не видывал такой быстроходной лодки. Вокруг носа пенились буруны, хотя море было совсем тихое.

Но едва они немного отошли от берега, как поднялся грозный свист ветра.

Птицы с криками полетели к берегу, за кормой почернело, и стеной вздыбились крутые волны.

Это старый лопарь развязал свой мешок и выпустил вдогонку беглецам злые ветры.

— Лопарское горло иначе как под полными парусами не пройти, — слышался голос из-за мачты.

Хозяину лодки буря, казалось, была нипочём, он даже не подумал брать рифы на парусе.

Колдун на берегу, видно, стал донимать беглецов двойными кручёными узлами. Лодка неслась по фьорду, отплясывая бешеный танец, а из моря вздымались дымящиеся вихри и вытягивались до самых небес. И несдобровать бы пловцам, но лодка мчалась как на крыльях, быстрее птицы.

Вдруг с наветренного борта раздался зловещий хохот: Анфин-колдун — гул, шквал — К югу нас гнал, Ветер в мешке выл, дул, Лодку держал.

И, накреньясь по самый край, заливаемая шипящей пеной, в которой выше колена потонули высокие сапоги незнакомого моряка, всем телом откинувшегося через борт, лодка под свист и завывание вьюги, разрывая слепящую метельную мглу, выскочила на простор открытого моря.

По морю ходили волны, как горы, застилая дневной свет, и Йу, сколько ни вглядывался в белые пенные гребни, не мог различить, когда рея парусника взмывала над водой, а когда проваливалась в бездну.

Лодка, словно играючи, рассекала волны, скользила, как рыба в воде, её доски были пригнаны так ровно, что она была гладкой, как яичная скорлупа; глядя на её борта, Йу невольно вспоминал яйца крачек.

Но ни разу Йу не смог увидеть всю длину доски от края и до края, ему казалось, будто она кончается на половине; наконец ему даже почудилось, что вся передняя часть лодки пропала в тумане и он сидит вместе с таинственным моряком в отломившейся половине, которая, неведомо как, несёт их по морю.

Когда настала ночь, на волнах загорелось. морское свечение, оно полыхало, как жар, а с наветренной стороны несло протяжное жуткое завывание.

Сквозь вой ветра слышались призывы о помощи, предсмертные крики утопающих, которые неслись со всех сторон от перевёрнутых лодок, и целые толпы бледнолицего народу набились в парусник и расселись на скамьях. Отблеск светящихся волн синеватыми пятнами ложился на мертвенные лица нежданных гостей, а они смотрели перед собой незрячими глазами и подвывали ревущему ветру.

И тут Йу очнулся от внезапного возгласа:

— Ну вот, Йу, ты и дома!

Долго он не мог опомниться и, как чужой, глядел на родные прибрежные утёсы и знакомый сарай для лодок. Прибой был так силен, что кромка воды достигала картофельного поля, а ветер так и валил с ног, Йу едва мог устоять.

Укрывшись в лодочном сарае, он в кромешной тьме принялся рисовать на стене план призракной лодки и работал над чертежом, пока его не сморил сон.

Утром, когда рассвело, к нему пришла старшая сестра и принесла котелок с едой. Она ничем не выказала радости при встрече и вела себя так, будто каждый день привыкла навещать брата в сарае.

Но, когда он завёл речь о том, что побывал в Финн-марке, и стал рассказывать о своей жизни у колдуна и о ночном возвращении на призракной лодке, сестра ничего не сказала и только молча посмеивалась.

Придя домой, он пробовал заговаривать о том же с братьями, с матерью, но скоро понял, что все считают его тронутым. Стоило ему помянуть о призракной лодке, они с усмешкой переглядывались, но обращались с ним ласково и бережно, старались ни в чем не перечить и на все только поддакивали.

«Ладно, — решил Йу, — коли так, пускай они все думают что хотят, лишь бы не мешали и не приставали по пустякам».

Он ушёл и поселился в лодочном сарае. «Буду держать парус по ветру», — думал Йу.

Коли его все считают за помешанного, то надо и дальше притворяться, будто бы он не в своём уме, так будет лучше всего — по крайней мере, никто не будет соваться и тревожить его во время работы.

Захватив из дома овчину, Йу стал спать в лодочном сарае. А днём он подымал овчину на шест и вывешивал её над крышей, как парус, громко крича, что выходит в море.

Иногда он сам садился верхом на конёк крыши, воткнув в бревно тяжёлый плотницкий нож, чтобы все думали, будто он воображает себя верхом на перевёрнутой лодке среди бурного моря и старается за неё удержаться.

Всякого, кто приближался к сараю, он встречал на пороге, вращая выкаченными глазами, и люди шарахались от этого зрелища. Он так застрашал всех домашних, что они старались поскорей унести ноги, когда приносили ему пищу.

Потом они стали посылать к нему с котелком младшую сестричку.

Малышка Мальфри с удовольствием оставалась поболтать с братом. Она часто сидела с ним на сложенных досках и радовалась, когда он дарил ей игрушки, придумывал разные забавы, и слушала, когда он рассказывал ей про парусную лодку, которая будет быстрее птицы, так что с нею не сравнится ни одна другая лодка на свете.

А если кто-нибудь чужой заглядывал в его владения, чтобы узнать, чем он там занимается, спрятавшись в лодочном сарае, Йу вскакивал на кучу досок и начинал швыряться во все стороны обрезками и чурбаками; любопытные удирали от него так, что только пятки сверкали, а то, неровен час, того гляди, схлопочешь деревянной чуркой по голове.

Однако, услышав за спиной смех, они обыкновенно оборачивались, чтобы с крутого берегового обрыва посмотреть на безумца, а Йу хохотал до упаду.

Вот так Йу добился, чтобы никто не совал к нему носа.

Лучше всего ему работалось по ночам, когда буря сотрясала торфяную крышу и казалось, сейчас сорвёт с неё бересту вместе с камнями, а приливные волны подкатывали к самому порогу.

Когда свистел ветер и по сараю гулял сквозняк, нанося снегу через незаконопаченные щели, Йу мысленным взором отчётливо видел веред собой призракную лодку.

Зимний день короток. И всю ночь напролёт, от ранних сумерек до позднего рассвета, в сарае коптила жировая лампа. А днём Йу отсыпался на ложе из древесных стружек, укрывшись овчиной.

Йу трудился на совесть, не жалея сил. Если, какая-нибудь доска не подходила к нужным обводам даже на самую малость, то он её вынимал вместе с двумя соседними и все переделывал наново, пока не получалось, как нужно.

И вот однажды в ночь под Рождество все уже, было готово, оставалось отделать края лодки и поставить уключины. Работа кипела, и Йу не замечал времени.

Рубанок сам так и ходил у него в руках, но вдруг он замер, не дойдя до края: Йу заметил, как что-то чёрное ползёт по доске.

Это была огромная, отвратительная муха, она ползала по готовому борту, как будто искала там что-то, заглядывая в каждую щель.

Добравшись до нижнего ряда, она уселась на киль и зажужжала, замахав крылышками. Затем снялась, постояла в воздухе над тем местом, на котором только что сидела, полетела и скрылась во тьме.

У парня сердце так и оборвалось.

И такой страх вдруг на него напал, такие сомнения. Ох, не к добру, знать, жужжала муха над килем лодки!

Взял он лампу, в другую руку — деревянный молоток и начал осматривать лодку, простукивая молотком, пока не закончил с первым рядом досок. Так он прошёлся по всей лодке от носа до кормы, внутри и снаружи. Ему уже все казалось в ней ненадёжным, до последнего гвоздика или стыка.

Но и остальное — и план, и размеры — тоже показалось ему вдруг никуда не годным.

Нос был слишком Велик, доски в днище лежали неправильно, все было криво, концы не сходились на стыках. Ему даже почудилось, что нос и корма взяты от двух разных лодок.

Во время этого осмотра, при котором у него весь лоб покрылся испариной, фитиль в лампе догорел, и Йу очутился среди кромешного мрака.

А дальше он уже себя не помнил.

Подняв над головой деревянный молоток, он распахнул дверь и забренчал боталом, которое неведомо как попалося ему под руку;

вдруг сквозь звон-перезвон из темноты раздался голос:

— Уж не меня ли ты вызываешь, Йу, что так растрезвонился? Йу почувствовал, как за спиной у него пробежал сквознячок, а спереди в лицо пахнуло холодным ветром.

В глубине сарая на перевёрнутой лодке сидел кто-то в моряцкой куртке и плотно облегающей вязаной шапке с ушами, голова торчала

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

на плечах какой-то лохматой шишкой. Йу вздрогнул. Сидевший перед ним был точь-в-точь похож на призрак, о котором он подумал в бредовом исступлении.

Тогда Йу схватил тяжёлый лодочный черпак и запустил в ненавистный образ.

Но привидение как ни в чем не бывало сидело на прежнем месте, хотя черпак пролетел сквозь него и, отскочив от стены, просвистел над головой бросавшего: ещё немного, и Йу лежал бы мёртвый.

Старик даже не шелохнулся и только зыркнул на него ехидным прищуром.

— Сгинь! Чур меня! — закричал Йу и плюнул в глаза нежити.

И в тот же миг в лицо ему шмякнулась, обжигая стрекалами, большая, толстая медуза.

— Получай обратно свой подарочек! — услышал из темноты ослеплённый парень.

Но когда Йу разлепил глаза, то увидел на берегу готовую лодочную верфь.

А на зеркальной воде, красуясь новенькими снастями, покачивался нарядный восьмивесельный бот, такой стройный и сверкающий, что, казалось, готов был раствориться в окружающем его сиянии.

Старик благодушно подмигнул, но прищуренные глаза сверкнули точно раскалённые угли.

— Я перевёз тебя в Хельгеланн, а теперь, как видно, надо оказать тебе помощь в твоём ремесле, — сказал он парню. — Но знаешь ли, кое-какую мзду я хочу за это получить. На каждой седьмой твоей лодке я сам буду ставить киль, и получится у нас лодочка с изъянцем, с небольшим, понимаешь ли, подвохом.

Тут у парня стиснуло горло — ни вдохнуть, ни выдохнуть. Он понял, что лодка была приманкой, а за нею зияла бездна, готовая поглотить его и захлопнуться.

— Неужели ты думал, что сумел меня провести и я за здорово живёшь уступлю тебе план моей лодки? — глумилась бездонная прорва.

Потом рядом скрипнуло, будто кто-то грузный поднялся с сиденья, и снова послышался смехок:

— Хочешь построить лодочку, бери в придачу и смертушку! Слушай, что я тебе скажу: если ты постучишь три раза молотком по килю, то будет тебе большая подмога в работе, ты построишь такую лодку, какой во всем Нурланне ещё никто не видывал.

В ту ночь Йу дважды брался за молоток и дважды его опускал и клал на место.

Но восьмивесельная красавица как наваждение стояла у него перед глазами, дразня зыблющимся в волнах отражением, — такая она была стройная, так блестела свежепросмоленными боками, так сверкала новёхонькой оснасткой! Йу даже занёс ногу и легонько толкнул её, чтобы полюбоваться, как стройное и нарядное судно, легко качнувшись, горделиво выпрямится на волнах, пленяя своими обводами.

И вот молоток стукнул по дереву — раз, и другой, и третий.

Так на Морских островах была построена первая лодка.

Однажды осенью весь народ высыпал на крайнюю оконечность мыса, и стало там тесно, как на птичьем базаре, — всем хотелось видеть, как Йу и его братья спустят на воду новую восьмивесельную лодку и сядут в неё на виду у всего берега.

На море гуляла зыбь, и лодка резала волны, разбрызгивая пену.

Вот она скрылась, вот вынырнула на гребень волны, точно морская птица, и стремглав понеслась, мелькая между мысов и шхер.

Глядя ей вслед, рыбаки, вышедшие на зимний лов, замирали с поднятыми вёслами. Такой лодки им ещё не доводилось видеть.

Но если в первый раз Йу удивил всех длинным восьмивесельником, то на следующий год в ту же пору завистливые взгляды рыбаков провожали широкую и крепкую лодку на пять пар гребцов.

И с каждым годом новые лодки, которые строил Йу, становились все лучше и краше.

Но самая последняя и большая, которая ещё стояла на стапеле, превзошла все предыдущие и мореходными качествами, и красотой.

Эта лодка была у него седьмая по счёту.

Йу приходил утром и уходил вечером. Но вот что удивительно — каждое утро он замечал, что за ночь лодка сама собой выросла! А красота её сделалась такой неопикуемой, что оставалось только молчать и любоваться.

И вот, наконец, лодка была готова.

Охотников купить её было предостаточно.

А надо сказать, что в те времена над Хельгеланном владычествовал фогт [5], который совсем замучил жителей поборами, деньги за рыбный промысел и сбор гагачьего пуха он брал двойным счётом и весом и не меньше того драл за церковную десятину.

Бывало, как пройдутся по домам его сборщики, после них ничего не останется — будто метла прошла.

Едва до фогта дошли первые слухи о новых лодках, как он сразу отправил на Морские острова посыльных разузнать, правда ли то, что ему говорили. Потому что фогт сам держал обширный рыбный промысел с несколькими становищами и на него работало много народу.

Посыльные воротились и рассказали ему обо всем, что сами видели. Фогт так загорелся от услышанного, что, еле дождавшись лета, самолично пустился в дальний путь и вскоре прибыл на Морские острова.

Нагрязнул он неожиданно-негаданно, как ястреб, и принялся терзать мастера Йу: и пошлину-то Йу утаил за ремесленный промысел, и десятину задолжал, а теперь, дескать, причитается с него одного штрафа по полмарки серебра за каждую лодку, которую построил.

Фогт так кричал на него и ярился, грозясь заковать в кандалы и отправить в Скровен [6], такие кары сулил мастеру, что у того в глазах померкло и белый свет показался немил.

Однако фогт уже побывал в гавани, объехал на лодке вокруг нового десятивесельного бота и, рассмотрев его со всех сторон, убедился, что судно и впрямь оказалось на заглядение; польстившись на него, он изобразил дело так, будто бы из милости согласен взять с мастера вместо штрафа его изделие.

Услышав предложение фогта, Йу сорвал с головы картуз и ответил, что другому бы отказал, а фогту отдаст своё судно с превеликой радостью.

Начальство село в бот и отправилось восвояси.

Что тут случилось! В доме у мастера стон и слезы; мать, братья, сестры — все ревут, жалеючи о потере.

А Йу залез на лодочный сарай, стоит на крыше, за бока держится и хохочет.

А как лето кончилось и наступила осень, пришло известие, что лодка, в которой ехал фогт с восьмерыми спутниками, без следа сгинула на пути через Вест-фьорд [7].

Но в те дни по всему. Нурланну началась замена старых лодок на новые, и такая пошла горячка, что Йу не поспевал сделать хотя бы десятую часть того, что у него просили.

Из ближних и дальних мест приезжали люди и толклись у сарая, где он работал; не всякому удавалось заказать лодку или купить готовую; если Йу соглашался, этому радовались, как великой удаче.

Два с лишним десятка готовых лодок выстроились на берегу. Йу перестал следить, которая из них седьмая, он уж и думать забыл о каких-то подсчётах. Ну выпало кому-то захлебнуться в солёной водице! Стоит ли горевать об одной потонувшей лодке, когда столько других надёжно носят по морю своих хозяев, которые живут в достатке и благоденствуют. Одним словом, Йу давно перестал вести счёт лодкам. Пускай, мол, покупатели сами хорошенько смотрят и выбирают, которая им больше понравится.

Между тем Йу сделался важной шишкой, он так круто заправлял в своём деле и так властно себя поставил, что всех держал в страхе, никто не смел ему и слова поперёк сказать.

На чердаке у него выстроилось в ряд несколько мер серебра, к тому времени он уже снабжал лодками всю округу.

И вот как-то раз поехали его братья в церковь к воскресной службе, они сели в новую десятивесельную лодку и взяли с собой младшую сестрёнку Мальфри.

Вечер настал, а их все нет как нет. Пришёл подмастерье и стал советовать, что надо бы снарядить лодку на розыски, — начиналась непогода.

Йу с отвесом в руках занимался в это время разметкой следующего бота, на этот раз он задумал построить такое большое и замечательное судно, чтобы все остальные не шли рядом с ним ни в какое сравнение.

— Что же, по-твоему, они отправились в море на таком корыте, на каких у нас раньше плавали? — прикрикнул Йу на своего помощника и выставил его, так что тот не успел даже опомниться.

А ночью Йу не мог сомкнуть глаз, слушая, как воет ветер и бьётся в стену, а с моря несутся протяжные крики.

Вдруг в дверь постучали, и, кто-то его окликнул.

— А ну вас! Ступайте, откуда пришли! — сказал Йу и перевернулся на другой бок.

Немного погодя будто бы маленькие пальчики заскреблись за дверь, и снова — тук-тук!

— Уймись! — рявкнул Йу. — Ночь на дворе, а вы спать не даёте! В своём доме человеку покоя нет!

Но возня под дверью все продолжалась, кто-то там шебаршился, как будто никак не мог дотянуться до дверной ручки.

Все выше и выше елозили по двери невидимые ручонки.

А Йу, будто бы так и надо, знай себе хохочет.

— Где это видано, чтобы большая десятивесельная лодка с Морских островов опрокинулась оттого, что ветер подул! — продолжал он

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

насмешничать.

Но тут ручка двери дрогнула, опустилась, и дверь распахнулась.

Глядит Йу, а на пороге Мальфри с матушкой и все братья. Вокруг них тлео морское свечение, с одежды стекала вода.

У всех были бледные, землистые лица, на губах застыла предсмертная судорога.

Окоченелая ручонка Мальфри обвивала шею матери; видать, вцепилась в последний свой смертный миг; девочка плакала и жалостно укоряла брата, что сгубил её молодую жизнь, не уберёг от гибели.

Тут уж Йу понял, отчего они не возвращаются.

Точно ветром его подхватило, кинулся он в тёмную ночь, кликнул людей на помощь; люди сбежались, разделились по лодкам, отчалили.

Вышли в море, долго везде искали, да все понапрасну.

А на другой день, когда уж совсем светло стало, волны вынесли к берегу пропавшую лодку, она плыла вверх днищем, а в днище на месте кия зияла пустая дыра.

Тут уж Йу понял, кто был виновником.

Но с той ночи, как у него погибла вся семья, все переменялось для Йу в родном селении.

Днём, пока звенели топоры, со стуком опускались и шуршали по доскам рубанки, пока со всех сторон раздавался перестук молотков, там шла привычная жизнь, и на берегу все теснее становилось от строящихся лодок, которые стояли бок о бок, сгрудившись, как птицы на гнездовье.

Но едва наступал вечер и смолкал дневной шум, к Йу приходили гости.

Хлопотунья-матушка шаркала по комнатам и копошилась в шкафах, выдвигала и задвигала ящики; потом лестница начинала скрипеть под грузной поступью братьев, которые подымались наверх, в спальные комнаты.

Йу разучился спать по ночам.

Иногда приходила малютка Мальфри, и стонала, и вздыхала под дверью.

И вот, лёжа в кровати, Йу бессонными ночами принимался считать и прикидывать, сколько же лодок с негодными киями вышло из его мастерской и пустилось в плаванье.

Счёт получался длинный, и чем длиннее, тем больше становилось лодок-призраков.

Тогда Йу вскакивал и в кромешной тьме спешил туда, где стояли лодочные сараи и навесы:

Возле каждой лодки он опускался на корточки, водил вдоль борта коптилкой и выстукивал молотком её киль, стараясь угадать, которая из них седьмая, но сколько ни вглядывался и ни прислушивался, ни разу не заметил ничего особенного. Все лодки были прочные и справные; где ни колупни, всюду из-под чёрной смоляной краски выглядывало светлое, чистое дерево.

Однажды ночью на него опять напал страх при мысли о новой трехпарной лодке, которая стояла у причала и завтра должна была выйти в море. Тревога не отпускала и наконец погнала его на пристань, чтобы ещё раз проверить, все ли в порядке с килем.

Он залез в лодку, сел на корме и нагнулся, чтобы посветить лампой, как вдруг на него пахнуло от воды густой и тяжёлой гнилью.

В тот же миг ему послышались в море хлюпающие звуки множества шагающих ног, как будто по мелководью брела большая толпа народу, приближаясь к берегу.

И вот он увидел, что из моря выходит кучка людей и направляется к сараям, их было столько, сколько обычно помещается в лодке.

Худые и костлявые, шли они, понуро согнув спины и выставив перед собой руки. Все, что попадалось на их пути, будь то камень или столб, свободно проходило сквозь их тела, их поступь была неслышной.

За первыми тянулись другие, их было много — большие и малые, старые и молодые всё шли и шли, и скрипели, качаясь, ходячие мощи.

Этим толпам не было ни конца ни края, одна за другой выходили они из воды и ступали на берег, где строились лодки.

Временами в разрывах туч проглядывал месяц, и лучи его освещали сквозные ребра скелетов и белые зубы в чёрном зиянии ртов, раскрывшихся навстречу солённому потоку, чтобы в нем захлебнуться.

А шествие все продолжалось, тесно и кучно напирала толпа за толпой, густо заполая берег.

Наконец Йу подумал, что все уже тут собрались перед ним, кого он пересчитывал каждую ночь и никак не мог счесть; и тогда его обуяла ярость.

Он встал во весь рост со скамьи, хлопнул себя по кожаным штанам и крикнул:

— Ещё больше было бы вашего племени, кабы я, Йу с Морских островов, не настроил вам новых лодок.

Но тут вся толпа всколыхнулась, в воздухе прошумел порыв холодного ветра, и, словно влекомые его дуновением, пустотой зияя из чёрных глазниц, они понеслись на него.

Стон прошёл по толпе, и сквозь зубовный скрежет слышались вздохи, каждый стenal об утраченной жизни.

И тогда Йу в ужase отчалил от берега и пустился в бегство.

Но парус повис, и Йу очутился на мёртвой воде. На стоячей поверхности повсюду плавали гнилые, набухшие доски — обломки погибших лодок. Все, как одна, они были одинаковой выделки, и все, как одна, потрескались и поломались, все были одинаково склизкие, облепленные клочьями какой-то зеленой мерзости.

Костлявые мёртвые пальцы высовывались из воды и ловили плавучие щепки, но никак не могли уцепиться. Мёртвые руки, мелькнув над водой, опять погружались в пучину.

Тут Йу распустил парус и поплыл. Поплыл, отдавшись на волю ветра.

По временам он озирался и пристально вглядывался в глубину, нет ли погони. Под водой шевелились костлявые руки мертвецов, однажды сквозь туман мелькнула острога, которая метила ему в грудь.

Потом налетел шквал, засвистел в снастях ветер, и лодка понеслась стрелой, рассекая брызжущие пеной крутые волны.

Море окуталось мглой, клочковатый туман носился по ветру, волны позеленели.

Днём Йу разглядел в тумане баклана, всю ночь его оглушали бакланыи крики. Но птица была осторожна и не оставалась подолгу на одном месте. Йу ничего не стал делать, он только следил глазами за нахальной тварью.

Наконец туман рассеялся, и над лодкой закружились и жажужжали стаи чёрных, блестящих мух.

Сияло солнце, и под его ослепительными лучами впереди засверкали снега, далеко покрывавшие берег. Йу вспомнил знакомый мыс, и плоский берег, и место, где можно было пристать.

А вот и дымок над землянкой, прилепившейся у подножия холма. На пороге Йу разглядел колдуна. Старикашка кивал колпаком: вверх и вниз, вверх и вниз; колпак был подвешен на нитке из кручёных жил, пропущенных насквозь, поэтому шуба болталась, как на шесте.

А вон и Саймка на склоне.

Он увидел её склонившейся над оленьей шкурой, которую она вынесла на воздух и раскладывала сейчас, чтобы просушить на солнце. С первого взгляда она показалась ему постаревшей и сгорбленной. Но тут она вдруг так быстро и ловко извернулась гибким горностаичиком и глянула через плечо, и лицо её, освещённое солнцем, так просияло, и так заблестели её смоляные косы!

Как проворно она вскочила и, застась от солнца, старается разглядеть его из-под ладони!

Залаяла собака, и Саймка цыкнула на неё, чтобы старик не насторожился.

Тут Йу понял, что стосковался по ней, и пристал к берегу.

Вот он уже рядом с нею, и она, всплеснув руками, обхватила голову, и засмеялась, и задрожала, и прильнула к нему, обливаясь слезами, и о чем-то просила, и тараторила, и была точно без памяти — то пряталась у него на груди, то обнимала за шею, и уж ласкала и целовала его, и никак не хотела отпускать!

Но колдун сразу почувал неладное; засев в своей шубе, как в берлоге, он бормотал заклинания, созывая волшебных мух, поэтому Йу побоялся ступить на порог, чтобы не оказаться между колдуном и мухами.

Старый лопарь был зол.

С тех пор как в Нурланне поменяли старые лодки на новые, никто больше не шёл к нему на поклон, чтобы купить поветерь, и все его богатство пошло прахом. Он так обеднел, что впору было идти по миру. И оленей у него совсем не осталось, кроме одной-единственной важенки, которая паслась в ограде.

Тут Саймка подкралась сзади на цыпочках и шепнула, чтобы Йу торговал у старика важенку.

А Саймка завернулась в оленью шкуру и стала у порога, чтобы старик за дымом не мог ничего толком разглядеть, кроме серого пятна, и подумал бы, что это привели важенку.

Тогда Йу положил руку на голову девушки и начал торговаться.

Колпак кивал и кивал, но старик плюнул в очаг, так что в огне зашипело. Старик нипочём не соглашался продать важенку. Йу стал набавлять цену.

Но старик только ворочался, вздымал тучи золы и крикливо грозился. Шуба кишела мухами, и мех на ней шевелился.

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

Когда торг дошёл до меры серебра, старик высунул нос из шубы и осторожно выглянул наружу. Но он тут же втянул голову обратно и продолжал бормотать по-шамански, пока торг не дошёл до семи полных мер. Тут колдун затрясся от смеха. Он решил, что взял за важенку дорогую плату. А Йу подхватил Саймку на руки и бегом пустился с ней к лодке, но Саймка всю дорогу кутала спину в оленьюшкуру чтобы загородиться от колдуна. И вот они отчалили от берега и вышли в море. Саймка на радостях захлопала в ладоши, потом схватилась за весло и тоже стала грести. В небе загорелись сполохи и раскинулись над землёй гребешком, зеленые и красные отблески яркого света плясали по лицу Саймки, длинные языки протягивались вниз, чтоб лизнуть её щеки. Саймка вступила с ними в споры; она убеждала, размахивая руками, глаза её метали искры, быстрый язычок работал без умолку. Губы, брови, лоб — все в ней было полно красноречия. Наконец огни померкли; она примостилась у него на груди, и Йу ощутил на щеке её тёплое дыхание. Под рукой у него лежала копна её чёрных волос, он их погладил и удивился, какая она вся нежная и хрупкая, и как сильно бьётся её сердце, словно он поймал пугливую куропатку. Йу укрыл Саймку оленьей шкурой, а волны бурного моря качали лодку, словно колыбель. Они все плыли и плыли, пока над ними не спустилась ночь, и все мысы и острова, все птичьи утёсы скрылись из виду.

- Примечания:
- [1] Нурланн — фюльке на севере Норвегии, почти половина его лежит за Северным Полярным кругом.
  - [2] Хьётте — небольшой остров в Норвежском море.
  - [3] Хельгеланн — южная часть Нурланна.
  - [4] Будё — город в фюльке Нурланн на побережье Норвежского моря.
  - [5] Фогт — в Норвегии судья, сборщик податей (истор.).
  - [6] Скровен — один из малонаселённых Лофотенских островов.
  - [7] Вестфьорд — узкий, глубоко врезаемый в сушу залив (фьорд) Норвежского моря в Нурланне.